

Байкал

25 мая в 5 часов вечера я распростился с Иркутском. По дороге к Байкалу, называемой Заморскою, минуя городскую заставу, немедленно поднимаешься на Крестовскую гору, облегающую Иркутск с южной стороны. Кладбище с тремя каменными церквями, расположенное по сей горе над самым городом, представляет очень хороший вид. Возвышенности от кладбища далее на юг покрыты густым мелким березником и сосняком, отчего весною и осенью много бывает сырости и мокредин. При небольшом труде можно бы сии места превратить в поля или луга, и в обоих случаях город много выиграл бы, получив здоровое и красивое местоположение с сей стороны. Но только что переступите за межу городской земли, то вправо открываются холмистые поля и луга, пересекаемые перелесками и источниками. Пред вами внизу расстилается светлая Ангара, усеянная островами. Сии места, по их прелестному положению, составляют в летнее время лучшее гулянье для горожан. На десятой версте лежит Большая Разводная, село, расположенное на самом берегу Ангары. Здесь предел очарования, производимого силою трудолюбия на хорошей почве. Отселе чем далее к Байкалу, тем природа становится и диче и угрюмее. Дорога более лежит местами болотистыми, неудобными к населению, По левую сторону тянутся горы, покрытые хвойным лесом. Из их падей вытекает множество горных речек и ключей. Вправо синее Ангары, омывающая подошву высоких гор, покрытых лесом. Левый берег совершенно необитаем.

На двенадцатой версте второго переезда, при реке Тальце, находится стеклянный завод, на котором делают еще фарфоровую и фаянсовую посуду и ткнут в небольшом количестве солдатские сукна. Виденные мною образчики фарфора изрядны. Глазурь на фаянсе желтоват и темен. Стекло и белое и зеленоватое средней доброты ...

Уже в три часа утра я приехал в Никольское зимовье, бедную деревушку, лежащую на берегу Ангары. Деревянная церковь во имя св. Николая, построенная для проезжающих, совершенно обветшала. Здесь есть

небольшая, но спокойная пристань, в которой суда, плавающие по Байкалу, останавливаются на зимовку или для починок. Пятью верстами далее находится Лиственничное зимовье, расположенное по узкому каменистому берегу Байкала подле высоких гранитных гор, покрытых лиственничным лесом. Зимовьями называют здесь одинокие избушки, построенные для временного приюта зимою в необитаемом месте: но ныне и целые селения, заведенные на таковых местах, удерживают названия зимовей. В Лиственничном находится этапный дом, почтовый двор и до десяти обывательских домиков. Местоположение не позволяет жителям заниматься ни хлебопашеством, ни скотоводством. Они пропитываются только рыбным и звериным промыслами.

На пространстве между селениями Никольским и Лиственничным Ангара выходит из великого своего водоема - Байкала, перекатываясь чрез каменные вершины высочайшей подводной горы между собою. Ангарское жерло содержит в себе около 2-х верст е ширину, на протяжении не более 10 сажень, при глубине, достаточной для пропуска больших судов. Сие подводное ущелье лежит в 20 сажнях от правого берега и называется береговыми воротами. На половине переката выдалась из воды острая гранитная вершина, называемая Шаманским камнем, вышиною до двух сажень над поверхностью реки и около семи сажень в окружности. Чайки убелили сей камень, оставляя на нем следы своего пребывания, а монголы избрали оный священным местом для поклонения духу, охранителю сих мест.

Ангара, при выходе своем из Байкала, течет с таким стремлением, что на тридцать верст от устья никогда не покрывается льдом. Говорят, что поверхность Байкала 69-ю сажнями выше поверхности Ангары, протекающей подле Иркутска. Это можно усмотреть из самого местоположения. Иркутск расположен на небольшом мысу, образующем подошву гор, которые от южной городской заставы продолжаютя до самого Байкала, постепенно возвышаясь. Почему некоторые не без основания

опасаются, что сей город соделается жертвой Байкала, если сильный удар землетрясения осадит каменное русло жерла ангарского.

Байкал, по-монгольски Байгал, есть собственное имя, данное сему озеру монголами, первобытными обитателями его окрестностей. Уверяют, что китайцы еще в 119 году до Р. Х. видели Байкал с Боргойского хребта и, соглашаясь созвучность сего имени с местоположением в отношении к своему отечеству, назвали сие озеро Бэй-Хай, что значит "северное море". Жители Восточной Сибири наименовали Байкал морем единственно по его обширности; но он не имеет ни одного из качеств, свойственных морям. Вода в нем пресная, светлая, весьма холодная. Периодических приливов и отливов, также стремления вод в одну какую-либо сторону никогда в нем не бывает. В Байкале находятся две только вещи, общие ему с морями; тюлени, которых здесь называют нерпами, и морская губка, называемая бодягою ...

На рейде пред Лиственничным стояли два казенные судна, определенные для перевоза путников, едущих по подорожным. Небо было пасмурно, при крепком северо-западном ветре, который, впрочем, был недостаточен для больших судов. Я не имел терпения сидеть на пустом берегу: поставил бичку в рыбацкую лодку, плывшую отсюда прямо в Селенгу, и в 11 часов утра отправился в путь. Рыбачьи лодки считаются удобнейшими для скорой переправы через Байкал, потому что при безветрии могут идти на веслах, а при сильном волнении не столько подвержены качке, как большие суда.

Чем более мы отдалялись от берега, тем более развертывалась пред нами картина окрестных видов. Вскоре показалось солнце и представило красоты их в полном блеске. Лесистые горы непрерывно тянутся по западному берегу Байкала, и чем далее к северу, тем становятся выше. Темно-зеленая хвоя оттеняет вершины их одну от другой в разных направлениях. В туманной дали юго-востока Хамар-дабан выходил из волн морских во всей своей огромности. Северо-восточный берег еще был

невидим, и лазуревый небосклон сливался с темною поверхностью вод. О! Что значат пейзажи славнейших художников в сравнении с подлинниками их в природе! Там удивляешься высокому искусству в подражании и ничего более не чувствуешь. Здесь, напротив, истаиваешь в невыразимых удовольствиях души и наконец весь исчезаешь в смиренном благоговении к невидимой некоей силе.

В два часа пополудни миновали мы Кадильное, а в пять и Голоустное, Сии два зимовья суть единственные селения на всем западном берегу Байкала, если только два дома с почтовым двором можно назвать селением. Пред закатом солнца ветер начал стихать, и вскоре совершенно замер. Хозяин привязал руль и с своими работниками спокойно предался сну - в десяти верстах от берега. Якорей, по причине глубины, не бросают.

28-го. В три часа утра солнце еще скрывалось от нас за горами, как первые лучи его уже рассыпались по их вершинам и золотом отразились в зеркальной влаге. В горных падах медленно образовались туманы. Они густели, темнели, развертывались и наконец начали отдаляться от гор целыми рядами облаков. Во все утро царствовала глубокая тишина. Наконец, гладкая поверхность Байкала начала рябеть, и вскоре направление облаков сделалось однообразным к северо-востоку. Мы снова пустились в путь по ветру попутному. По мере как Хамар-дабан тонул в синеве юго-востока, в отдаленности северо-востока открывались новые горы. Но Хаимские гольцы', еще за двести верст видимые из-за других гор, оспаривали первенство у самого Хамар-дабана. Гранитная плоскость их, покрытая вечными снегами, представляла белейший венец, лежавший на темнохвойной сливной макушке прочих гор. Бесподобна величественная картина!

В три часа пополудни пронеслись над западным берегом небольшие дождевые тучи и вслед за оными по темно-зеленой плоскости вершин древесных образовались ряды белоснежных холмов. Это были новые облака, еще в младенчестве своем. В пять часов ужасная буря ринулась с гор на

море, и я еще в первый раз увидел, как ветер со свистом свертывал воду и перебрасывал ее через огромные валы. Но в это самое время мы успели войти в устье Селенги, а на другой день (29-го) в семь часов утра пришли в Чертовку, небольшое селение, лежащее на левом берегу Селенги, в 20-ти верстах от ее устья. Сие селение тем достопримечательно, что в августе собирается сюда множество народа для засола омулей, промыляемых как в самой Селенге, так и в устьях ее.

Устье Селенги разделяется на пять больших рукавов и занимает обширную равнину, содержащую в себе около 70 верст в длину и столько же в ширину. Сия равнина нечувствительно возвышается от моря до самых восточных гор, вся состоит из наносного ила и есть не что иное, как произведение самой Селенги. Во времена, неизвестные самим преданиям, горы те служили восточным пределом Байкала. Селенга, увлекаемая быстрым течением землю, отторгаемую от рыхлых своих берегов и, наконец, слагая сию ношу при впадении в Байкал, медленно образовала помянутую равнину. Сим же образом и ныне продолжает увеличивать окую: ибо, по уверению здешних старожилов, в течение последних тридцати лет образовалось около пяти верст материка, который едва отделяется от поверхности воды, и, кроме некоторых трав, тростника и тальника, ничего еще не произрастает. Подводные мели, могущие впоследствии образовать новый материк, простираются уже далеко в море и отличаются от глубины глинистым цветом воды. (...)

В двенадцать часов утра, оставя Чертовку, я отправился в дальний путь. Дорога через станцию Кабане кую и Таркановскую лежит долиною,

В Восточной Сибири гольцами называются высочайшие горы, коих вершины состоят из каменных громад, не имеющих ни травы, ни дерева. пересекаемую небольшими возвышениями и перелесками. Впереди с трех сторон синелись горы, покрытые темным хвойником. Селенга извивается около подошвы их, протекая в талинной тени. Прелести юной весны только что начинали разворачиваться по нежной зелени лугов.

За десять верст до Ильинской станции лежит на берегу Селенги Троицкий заштатный монастырь. Церковь в нем каменная, недавно построенная старанием нынешнего настоятеля; ограда ветхая, деревянная, с такими же башенками по углам. (...) Отселе до Ильинской дорога лежит ровным лугом.

В шесть часов утра, оставя Ильинскую станцию, я проехал десять верст ровным же лугом до переправы на правый берег Селенги. Отселе вверх до самой границы с Монголией сия река усеяна островами, которые, по рыхлости берегов почвы, образует и уничтожает по своему произволению. Недавно в сих окрестностях смыло водой остров, под которым лежало большое плоскодонное судно.

По переправе через Селенгу дорога поворачивает в горную долину на северо-восток вверх по речке Итанце. По берегам ее лежат небольшие, но частые селения, поблизости кони паслись стада, а за паствами пестрились тучные луга. По горным отлогостям зеленелись полосы бархатных озимей, а подле них желтели ряды прошлогодней соломы на корню или чернелись отдыхающие залежи.

Такая пестрота забайкальского земледелия есть необходимое последствие климата и обстоятельств. Сия страна состоит более из гор и долин. До завоевания оной обитали здесь монголы, которые по удобности для скотоводства более кочевали по близости к воде. По этой причине берега Селенги и речек, впадающих в нее, представляют собой голые степи, а горы доселе остаются покрыты дремучим лесом. Русские поселенцы первые начали здесь заниматься земледелием и по собственным опытам узнали, что в горных долинах весной сильные ветры выдувают посеянные зерна, а летом ранние инеи побивают хлеб еще не дозревший; по сей причине стали избирать под хлебопашество места возвышенные. Каждый вновь поселяемый сам д,1я себя расчищает землю; и как почва здесь вообще рыхла и не требует навоза, то каждый делит свою землю на две части, из коих одну засекает, смотря по доброте почвы от двух до пяти лет сряду, а потом

оставляет на несколько лет для отдыха и засекает другую: вот почему здесь невозможно ввести трехпольного разделения полей.

Переезды Корымский и Турулевский еще недавно заселены, и во всех сельских занятиях видна юность домоводства. От Турулевки далее дорога лежит дремучим лесом, склоняясь по отлогости хребтов на северо-запад до реки Хаима, на левом берегу коей построен почтовый двор в тридцати верстах от впадения сей реки в Байкал. Таков же точно и переезд Гремяченский, склоняющийся на северо-запад до самого Байкала, по берегу коего еще четыре версты до станции Гремячнской, также состоящей из одного почтового двора. Дорога на сих двух переездах имеет большую покатость от подошвы Хаимских гольцев до Байкала, почему и реки, выходящие из сих гольцев, текут с чрезвычайною стремительностию. Следующий переезд весь лежит по самому берегу Байкала до реки Турки. Переправясь через сию реку при самом ее устье, вступите в Туркинское селение, состоящее из одного почтового и шести обывательских дворов; отселе останется девять верст до горячих вод, названных по речке Туркинскими.

Пространство от Турулевки до Турки представляет пустыню, в которой одна только дорога показывает следы труда человеческого, а все прочее напоминает первобытных времен дикость. Употребите усилие достигнуть со мною вершин Хаима и с высоты его окиньте взором окрестность во все четыре стороны, Бам представятся горы за горами, одни других выше, одни других темнее, одетые дремучими непрерывными лесами. Отдаленные гольды кое-где прерывают сие единообразие, белея на мрачных покатах, образуемых вершинами дерев. Сия беспредельная пустота, сие повсеместное безмолвие нечувствительно увлекают воображение до первых времен мира и после кратковременного мечтания погружают душу в какое-то самозабвение. Здесь природа как будто сохранила первобытную свою девственность. Но я должен был расстаться с любимой детскою мыслию увидеть огромные древние деревья, современные возрождению нашего мира. Кедр и сосна,

лиственница и ель находятся под общими законами природы. Деревя также имеют юность и возмужалость, старость и кончину. Отжившие свой век на высоких местах, пред смертью начинают сохнуть с вершин. Растущие на низких местах чахлы, маловетвисты; мох высасывает из них соки, и они умирают преждевременно. Здесь на отвесных покатостях высочайших каменных громад лежат миллионы кедров и елей, упавших с обрушившимися скалами или опровергнутых ураганами; подле них уже начинают возникать новые поколения. После ураганов лесные пожары составляют второй бичь для лесов. На земляной почве огонь съедает только сухую траву и хворост, не вредя деревьям; а на каменном грунте, где корни лесин расстилаются по поверхности, он истребляет обширные леса. Дерево с обгоревшим корнем лишается органов к принятию влаги и засыхает.

Прежде узкая тропа, проложенная зверями по направлению горных падей через болота и пески, составляла единственный проход через сию пустыню. Сколько трудностей переносили путешественники, сколько скота погибало под тяжестью вьюков! Г. Трескин первый устроил нынешнюю большую дорогу, сократив ее почти на 80 верст против прежней. На устройство сей дороги употреблено было два лета; весь край Забайкальский участвовал в трудах и издержках. {...) От теплиц далее к Баргузину еще нет тележной дороги, а ездят верхом такими тропами, по которым и пешему ходить трудно. (...)

Туркинские горячие воды находятся в полутора верстах от Байкала на восток в логу посреди обширной долины. Строение, известное под названием теплиц, лежит на южном возвышении сего лога и состоит из длинного корпуса с шестью нумерами для пребывания пользующихся водами, В каждом номере по две кровати, а по нужде могут поместиться и шесть человек. (...)

Главный ключ серных минеральных вод находится в 130 саженьях выше теплиц. Он углублен около аршина в серый камень, из которого бьет несколькими отверстиями, и покрыт небольшой деревянною беседкою. Вода

к купальням проведена крытым деревянным желобом. Она содержит зимою 41", а летом 42° по Реом (ера); почему для умерения оной подведена к купальням холодная вода из ключей, лежащих в том же логу с горячими. Главный ключ холодной воды выходит несколькими саженьями выше горячего; отселе вниз почти по всему правому берегу проседают холодные ключи. В самом же логу, как и в купальнях, со дна, покрытого толстым слоем песка, прорываются ключи горячей воды; из него заключают, что масса серной печенки лежит во всю длину сего лога; но сверху покрыта толстым слоем тины, по которой перебирается вода холодных ключей. Далее по дороге к Баргузину в нескольких местах еще находятся горячие ключи. (...)

Туркинская горячеводская долина, как и окрестные горы, была покрыта дремучим лесом; но в 1828 году лесной пожар опустошил сию долину с частью окрестных гор. Теперь она вся завалена обгоревшими лесинами и глухо обросла кустарными растениями. Здешние леса состоят из сосны, кедра, лиственницы, ели, пихты, березы и осины. Из кустарных растений много багульника, ракитника, ольхи, кизильника, таволги, бузины, шиповника, боярышника, розмарина и жимолости с темно-голубыми ягодами. Из ягод растут рябина, черемуха, смородина, черника, голубика, брусника, шикша, морошка, княженица и земляника. Также родятся все грибы, свойственные хвойным лесам. В тайгах и по каменным вершинам гор водятся лоси, зубры, медведи, олени и белки. Лисиц и соболей мало.

По берегам Байкала и речкам, впадающим в него, ловят множество налимов, сигов, омулей; изредка попадаются таймени и осетры. Здешние налимы считаются лучшими по всему Байкалу; а омули попадают весом от трех до двадцати фунтов и вкусом превосходят сигов. Для прогулки больных находится несколько тропинок на юг и на восток к горам и одна на север, составляющая большую дорогу в Баргузин, которая, впрочем, корниста и болотиста. С вершин высоких гор представляются величественные виды во все стороны; но всход на оные по причине топкости места и густоты кустарников чрезвычайно труден. Лучшая и обыкновенная прогулка по

большой дороге к берегу Байкала, с которого представляются взорам поразительнейшие картины. В сорока верстах от берега на северо-запад расстилается сумрачный Ольхон, как огромное морское животное, поднявшееся на поверхность вод. Высочайшие утесы его, как будто пред вашими глазами, опускаются в море. Но более всего поразителен ужасный Онгорен, на вершинах коего вечные снега издали представляют группу облаков, как будто покоящихся на высочайшем престоле, взгроможденном из мрачных гранитных скал. Сей картины, отстоящей с лишком на сто верст от берега на северо-запад, невозможно изобразить во всем ее величестве, (...)

По южную сторону теплиц находится небольшое селение, в котором в течение последних двадцати лет построено до двенадцати домиков. Живущие в них крестьяне и служители имеют изрядное скотоводство, но по малолюдству и недостатку сил еще не успели развести хороших огородов, хотя здесь капуста, свекла, редька, морковь и особенно картофель хорошо родятся. Даже не имеют сенокосов, несмотря на то, что по берегу Байкала от теплиц до Турки находятся превосходные луга, требующие только небольшой очистки от валежника. Говорят, что заводили здесь землепашество, но опыты посевов не были удачны. Это последнее вероятно, ибо с трех сторон горы, покрытые дремучими лесами, а с четвертой - Байкал, долго поддерживают стужу. Снеги лежат до Николина дня, а инеи начинают падать с Ильина дня. Но относительно опытов земледелия что-то сомнительно: ибо в окрестностях вовсе не заметно, чтобы начинали когда-нибудь распахивать землю. Здешние жители получают достаточное содержание от рыбных и звериных промыслов. Осенью во время рекостава каждый дом добывает в реке Турке от тридцати до пятидесяти пудов налимов, которых продают в Верхнеудинске, а отсель берут хлеб и другие вещи, нужные в домашнем быту. Сверх того промышляют белку, соболей, лисиц, также сохатых, оленей и козуль, коих мясо употребляют в пищу. Все сии выгоды достаточно заменяют хлебопашество и поддерживают кочевую беспечность, свойственную большей части сибиряков. Даже летом у себя не

занимаются они рыбным промыслом, а предоставляют это бурятам, приезжающим сюда с острова Ольхона. Впрочем, и свежая рыба здесь так дешева, что сиг в два к три фунта весом стоит не более пятнадцати копеек. Почему буряты, разрезывая сырую, крупную рыбу, сушат на солнце, а мелкую варят и, очистив от костей, также сушат. Первую называют они юколою, а последнюю - порсою. Оба сорта довольно вкусны; только приготавливаются без соли.

1831

Бичурин, Н. Байкал / Н. Бичурин // Чувашская литература : хрестоматия для X-XI классов школ с многонациональным составом учащихся и русских национальных школ / авт.-сост. В.Н. Пушкин. – Чебоксары, 1997. – Ч. I. – С. 39-46.